

Прилепинский реализм в чём-то совпадает с казачьей шашкой – он блестящий, отточенный, функционален. Прилепинский конфликт функционирует окрестную листву эпическими порывами. Ну а когда писатель исполняет реквием – прощальную песню другу, названному по-мужски братом, признанному Батей: «*Этому субъекту истории, этому пароходу, этой улице, этому памятнику*» – тогда Захар предстаёт из готических руин и обломков во весь рост. Почти – потому что это и реквием по мечте, которая всей своей тяжестью легла на плечи... Расставаясь с мечом, легионер дочеккой герильи не бросает его не глядя в сторону, как победённый. Он вонзает его в землю на перекрёстке четырёх ветров. Поэтому что это было. Было – не прошло.

Максим ЕРШОВ Донецкий реквием

О романе Захара Прилепина «Некоторые не попадут в ад...»

«Может быть, у нас кончилась память, оборвалась связь, что-то навеки заглохло, и мы больше нигде не поплывём на волнах – как её? – не стали. Раньше была история – мелькали имена, как шары в Господних руках, глаза замигали от восторга: Ермак, Козьма Минин, Стенька Разин, батька Махно, Чапаев, Котовский, Копяк – свои, донские Гарибальди, свои, днепровские Че Гевары, – а потом хлоп! – обрыв линии. Раньше народ мог триста лет из уст в уста передавать былинку про богатыря, сказ про князюшку, песню про атамана, а теперь информация живёт три месяца; потом сжигается в три дня, следом в три часа... Съел таблетку, испытал короткую эмоцию – и всё, до следующей таблетки свободен, у вас прозвучал, пациент, развейтесь; и помните: вы живёте в эпоху информации. Раньше все были глупые, теперь выросли – умный. Нового человека будут звать хомо амнезикус...».

Странным образом литература документальнее видеокдра. Ей доступна внутренняя речь, оформленная субъективностью, оказывается, имеющая для объективности решающее значение. Может быть, о Донецкой войне мы (теперь, спустя четыре года после Дебальцево) из книги «Некоторые не попадут в ад» узнаем не так уж много. Захар Прилепин назвал книгу романом-фантастической. Но кроме фантастической реальной политики (традиционалистской, за шестьсот

лет превратившейся в суровую религию с неотвратимыми чудесами), в романе много человеческого, несовместимого с жизнью сцифречения, которое чем дальше в эпоху, в историю – тем больше фантастика. Говорила жена: «*Твоя работа – это идеализм. Идеалистов надо убивать, это закон природы, они пригодны для жизни только в таком состоянии – в мёртвом*». Понимал и сам Батя: «*Он никогда не был политиком, и не стал бы им – потому что любил, когда весело. А настоящие политики любят, когда правильно. Им бы газоны стричь*». Ну куда нам с такими: «*Роль Стеньки Разина шла ему идеально, потому что не была его ролью – это он сам и был. В поведении его – можете не верить, мне всё равно – не было ни бра-*

вады, ни злой дурусти, только нежность и зазор: хорошо должно быть немедленно, потому что потом его убьют, и он не сможет увидеть, как получится; тем более что, скорей всего, так уже не будет». Жизнь без таких нельзя. Но императоры правят там, где принято наступать на горло собственной песне. Душить её и класть в основание. Поэтому, конечно, это роман – мемориал. Его надо издавать с портретами народа: принадлежащих ему, народу, живых и мёртвых – у которых на фото всё те же бесконечно живые плаза: «*Но главное про них я разгадал уже – и про Графа с Тайсоном, и про Шамана со Злым, и даже про Араба: все они, прошедшие в зоне антитеррористической операции в качестве террористов месяцами и годы, вышколенные бойцы без страха и упрёка, стреляющие без рассуждений, на самом деле – ласковые дети; в каждом хлопал глазами ребёнок, которому однажды были обещаны тепло, защита, любовь навсегда, справедливость, верность, а потом ребёнок пополз, пылая ещё мяжком лбом возникающие преграды, привстал, оттолкнулся, оказался, что можно стоять, держась за воздух, и решительно вышел на одиночную прямую – меж предметов, пороков, пороков, – а обещанное всё не давали, а разуваться в этом не было сил: зачем тогда полз, шёл, бежал, какой в том был смысл?*».

Будто и обо мне сказано. Словно о русском характере. О бже, Захар, неужели право это холодное чудовище Пелевин, и «жизнь сердца», идеалы – есть лишь фундамент методологии господства?..

Впрочем, в Донбассе взрослые дети многих наций увидели просеку в темноватом лесу государственности и выбежали на

неё: запускать небу воздушные змеи своих идеалов. Это значит, они сорвались...

Да, кроме человеческих, иных чудес в книге нет. В этом её глубина. И, да, трагикомедия, скорее всего, это высший жанр. Но когда легкомысленность автора, перидическое его впадение в абсурдистскую истерику хрустит на зубах песочком цинизма... трагедия всё-таки может утратить необходимость ей неприкосновенность пафоса. Встречающийся в книге «иронический диссонанс образа» – это гримаса на лице знаменосца... В этом её, книги, отчаяние.

В «Некоторые не попадут в ад» много замечательного.

Как всегда, Прилепин меток и вдумчив, и прямодушен, насколько это возможно для персонажа длящейся истории. Здесь провинченные, на зависть, портреты знаменитостей, смачные детали, уверенные мазки от тезауруса палитры, которая служит крупному художнику. Прочтите всё сами: книга полезна современностью и страданием, и раздумьем. Широким жестом предлагаемой мелодии. Я этим вот и закончу. Может быть, подхватит кто-то ещё...

«Однажды я уже говорил, что правда – это как запомнилось.

Правда – как лето.

Иногда бывает так: историк все разложит по датам, по этапам, вычленил, зафиксировал, классифицирует, мумифицирует.

Потом мимо плывёт лодка, в лодке сидят люди, поют песню; слушаешь песню и понимаешь: всё было, как в песне.

Но это – если песню сложили. И если она прижилась, если поётся.

Про донецкую герилью мы ещё не знаем, как приживётся, – у нас нет возможности забежать вперёд, чтоб оглянуться и отпуга крикнуть: «Есть! Помнят! Поют».

Алена ЯРОШЕВИЧ «Немой набат» по России

О романе Анатолия Салуцкого «Немой набат»

Отяжёлый российской действительности сейчас знает даже школьник. Ворующие чиновники, тотальная бедность населения, всеобщая неразбериха... Масса новостей со знаком «минус», в красках рассказывающая о чем угодно, но только не о наших проблемах, побуждает граждан от мала до велика «бунтовать». Правда, в основном на диванах. Но что кроется за этой экранной ширмой, о чём на самом деле говорят в высоких кабинетах и о каких проблемах простой обыватель даже не догадывается? Именно на эти «зубастые» вопросы и начал отвечать писатель Анатолий Салуцкий. Книга «Немой набат» только на первый взгляд о политике, на самом деле она ведь о нас...

Крушение советской эпохи привело не только к изменению политического и экономического укладов страны, но и к нищете её граждан. В ту пору никто не думал о внешнем лоске, шмотках, машинах и телефонах. Перед российскими мужчинами встал вопрос о выживании их семей, которые жили фактически впроголодь. Измождённые, осунувшиеся, они ринулись кто куда, но многим пришлось податься в чепельный бизнес, руководствуясь пресловутым русским «авось, небось да как-нибудь».

В подобной заварушке «фастфудного» времени оказались и два несгибаемых друга: Сергей Богодухов и Дмитрий Шубин. Они прошли «огонь и воду», но кто-то так и не смог вырваться из тисков «бандитского разгула», пришлось выбирать между своей жизнью и жизнью семьи...

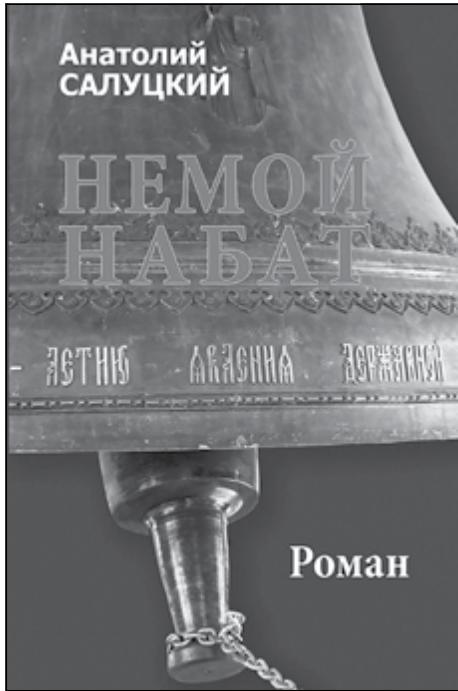
Книга, сюжет которой выстроен в духе нашего менталитета, с первых страниц погружает читателя в реальность, не давая отвлечься на сердечные страдания. Любвиная линия, которая не отличается здесь «африканскими страстями», носит скорее символический характер. Вера Богодухова, дочь того самого Сергея, являет собой не просто образ исконно русской духовности и невинности. Эта молодая женщина, сильная и зрелая в суждениях, по задумке автора и есть воплощение России. Борьба же за её сердце, в которую вступают два бизнесмена – честный технар Витор Донцов и «скользкий» Аркадий Подлевский, – перерастает в противостояние между Россией и «скалящимся» англосаксонским миром.

Любопытная мысль Веры: «Дар чтения в чужой душе даётся немногим, да и эти немно-

гие часто ошибаются» – своего рода гимн роману. В череде разных характеров и ценностей устами героев произносятся простые на первый взгляд истины: раскол финансово-экономической элиты, противостояние прозападной русофобской «верхушки» и тех, кто рadeет за свою страну. Беседы, «пронизывающие» каждую страничку, настолько «живые» и злободневные, что даже предвзятый читатель невольно вступит в дискуссию. Партийные вожди, которые провозглашали «общественное», а не «личное», канули в Лету. Сложности провинциальной жизни могут отяготиться ещё и другим: местные чиновники, сокрушающие один из персонажей, становятся все более извращёнными. Это сейчас они «лоб расшибают» перед портретом главы государства, а потом будут на «все стороны вертеться», чтобы своё не упустить.

Наряду с «либеральным карнавалом», Россию наводнили и американские «доброжелатели», чья деятельность ещё сильнее подрывает доверие населения к правительству. Боб Винтроп, с виду добродушный и пухловатый «америкос», активно ищет «полезных идиотов», которые за хороший барыш готовы снабжать его необходимой информацией. Разумеется, в списках числятся и медийные лица, и политики, и бизнесмены. Не успеешь оглянуться, а реплики в интернете, наподобие «Перегорела лампочка в подъезде – пора валить из Рашки!», уже становятся нашей действительностью. А что ждёт страну в 2024 году? Есть ли достойная замена в Кремле? Ведь рокировка, когда-то успешно осуществлённая с участием Медведева, может в будущем «не выгореть». И тогда «подмятут» Россию станут куда проще.

Автор убеждён, что у ныне сострапанной фантазией «страны Вообразии» нет и не может быть будущего. Здоровое государство необходимо строить не только руками добросовестных идейных чиновников, но и его граждан, смело смотрящих в своё будущее, а не грезящих западной «розовой мечтой».

Поэзия подлинная начинается с внутренней тишины. «Прошу тишины» – так называется новый поэтический сборник Светланы Вячеславовны Супруновой. Прошу тишины – ты сразу понимаешь, что далеко не все слова – самое главное в жизни. «Лишь те слова, которые нужны...» – и составляют духовные смыслы их автора. Буквально первое стихотворение, открывающее книгу, берёт за душу своей доверительной манерой и уводит от суетливых жизненных треволнений:

*Ненастье, дорожи раскисли.
Уходим пустые во мгле.
Дела остаются и мысли,
С которыми шли по земле.
Уходим, никто не вернётся,
Не видим дороги влётмах.
Как мало от нас остаётся,
Как мало мы были в гостях!
Смеялись, любили немного,
Шумели под небом всерьёз.
Мы так и не видели Бога
В стране кабинетов и слёз.
Дома и деревья застыли,
И нас омывает дождём.
Зачем мы сюда приходили?
Куда под ветрами идём?*

Перед нами – тонкий лирик с неторопливой, вдумчивой интонацией, с конкретным лексическим полем, на котором нет цветистости, но при этом оно цепляет, не отпускает, щемит душу своей пронзительностью, остаётся где-то там, в неведомых сердечных глубинах. И тут же приходит осознание того, что поэзии совсем не обязательно быть глобальной и монументальной. Светлана Супрунова – поэт «тихой лирики» в противопоставление с ушедшей в прошлое громкой эстрадной поэзией больших стадионов; подбные поэтические определения давал в своё время литературовед Вадим Кожин.

Тишина – ключевое слово лирической книги Светланы Супруновой, оно окутывает её поэтическое пространство, требуя к себе спокойного внимания, душевного равновесия, сосредоточения ума и сердца. Кто-то из классиков сказал, что поэзия – это талант быть умным без ума. И мы знаем, о чём говорит автор, ведь чего не знает ум, то обязательно дополнит трепетное слово, рождённое чувством. Супрунова относится к художником непостижимой простоты, к тем художникам слова, которые обладают ясностью и проникновенностью. Она является автором пяти поэтических сборников, лауреатом международных, а также российских литературных премий и конкурсов. Вместо биографии, которая у неё необыкновенная, не побоясь сказать, ещё и героическая, можно представить стихи-воспоминания, исполненные откровения и печали, в чём-то, не исключено, даже сожаления:

*В пути – светло, в пути – покой.
Старушка, помолитесь Богу,
Меня дрожащей рукой
Перекрестила на дороге.
Меня возили поезда,
Моталась я куда попало,
Летела, шла, и мне всегда
Дорог российских не хватало.
Так и жила – на стороне,
И песни слушала чужие,
Старушка же писала мне
Про хворь свою и сны плохие...*

Дороги проходят через всю судьбу Светланы Супруновой – земные дороги

Людмила ВОРОБЬЕВА «С годами видится простое...»

литературным редактором в издательстве «Я н т а р н ы й сказ», сегодня возглавляет редакцию научного журнала Калининградского государственного технического университета.

Гёте когда-то написал о том, что многие стихи тех или иных авторов «оригинальны не потому, что они преподносят нам что-то новое, а потому, что они умеют говорить о вещах так, как будто это никогда не было сказано раньше». Значит, каждый художник неповторим по-своему. Всё ново и в поэзии! В книге Светланы Супруновой «Прошу тишины» живёт сам автор, живёт скромно и неброско, но его незримое присутствие ощущается постоянно, он рядом, здесь и сейчас. Даже в убегающем, эпизодическом кадре стиха есть это чувство присутствия, оно тоже имеет реальную подоплёку, имеет своей поиск опоры, мня которой – Русь. Отсюда и логическая выверенность: поэтическое слово Супруновой не растекается мыслью по древу. В стихах «Памяти Михаила Анищенко» речь идёт не только о невосполнимой утрате и потере прекрасного поэта, но и о том, что вместе с такими людьми уходит и Русь, гибнет целый мир, эпоха, сосредоточенная в одной значительной личности. И неправда, что нет незаменимых!

*Всего три шага до погоста,
Но, не довольствуясь крестом,
Наверно, это очень просто:
Дождинкой стать и стать листом.
...
Земля зовёт, почти не дышит,
На свежий холм переключусь.
Россия ничего не слышит,
Но, рот зажав, рыдает Русь.*

Как видим, в одном небольшом произведении автора – невероятно много сказано! Поэзия Супруновой проникнута состраданием, и тема Руси Небесной неслучайно выходит в её творчестве на первый план. Вот и в стихах «Дивные силы», очень русских по своей поэтической природе, живёт глубокое национальное чувство, не показное, а выдержавшее определённые испытания и ставшее жизнью и судьбой поэтессы.

*Я повернулась на восход безродно,
Мне показалось, что на полчасца,
И вот уже кириллица не модна,
И с запада слышнее голоса.*

*Распутная, а может быть, святая,
Какие силы есть в тебе, о Русь,*

*Коль от тебя, ругаясь и рыдая,
Сто раз уйду и столько же – вернусь!*

О любви к родине нечто похожее писал Борис Зайцев в книге, посвящённой Сергию Радонежскому, в которой прозаический текст приобретает подлинную поэтическую окраску: «В нём наши ржи и васильки, берёзы и зеркальные вод, ласточки и кресты и не сравнимое ни с чем благоухание России». Сильная метафора, рвущая душу на части, что пригвождена навеки вечные к этой неутрахающей и невысказанной боли, к неуёмной тоске по

«С годами видится простое...»

О книге лирики Светланы Супруновой «Прошу тишины»

родине, главенствует в стихотворении Светланы Супруновой «Всё тот же: дождь неделю льёт...»: *Всё это боль, всё это Русь
С её печалью земными,
О ней пишу словами злыми,
А по ночам о ней молось.
Откуда в сердце эта злость,
Что в нём хорошего осталось?
Наверно, чтоб не трельхалось,
Оно посажено на гвоздь.
Покая так и не найду,
Сбега в глухую деревушку,
Зайду в забытую избушку –
И кровь пойдёт из-под гвоздя.*

Два её стихотворения: «Дивные силы» и «Всё то же: дождь неделю льёт...» – по праву могли бы войти в лучшие современные антологии поэзии, их можно смело отнести к программным. Они концентрируют в себе классическую стройность и собранность речи, подтверждают верность отечественным литературным традициям.

Тема неперспективных деревень, что давно планируются под снос, достаточно актуальна, хотя кто хочет сегодня слышать об этом и тем более писать? Вот и деревушка, которую описывает поэтесса, затерялась в далёкой безвестности, среди огромной России:

*Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то – под каждым кустом,
Деревянная мохнат церквушка
Под холодным осенним дождём.
...
Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведёт.
Спозаранку молебен читает
За страну и за застрашный день,
Уж не крестит, а всё отпевает
Поконные глухих деревень.
Всё едино – дожди, заваруха,
Эту древнюю дверь отперёт,
Прибудитесь, бывает, старуха,
И свечу, как на память, зажжёт.
Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Проследит от близости с Богом
Непутёвая чья-то душа.*

Неумолимая правда жизни заставляет поэтессу создавать настоящие прочные произведения. У Светланы Супруновой здесь все счастливы и несчастны одновременно – парадокс или скорее реальность российской действительности, её обветшавшей глубинки, забытой Богом. Настолько всё зримо, правдиво, что эта обнажённость видения и пугает, и

открывает глаза на происходящее рядом, как в стихах «Поминки»:

*Осенний дреб. Безмолвые околотки.
Дешёвый гроб трясётся на возу.
В пальтишке куцем сунухая тётка
Смахнула пальцем пьяную слезу.
...
Потом в избе раскладывали лотки,
Звенели чарки, люд повеселел.
И дождь пошёл,
И крест торчал в окошке,
Но вот никто в окошко не глядел.*

И нигде не деться от столь неприглядной, имеющей место быть натур-

листичной картины, собственно, как не деться от горькой правды нашего невесёлого бытия.

Цикл её стихотворений, посвящённых обычным людям, возможно, ничем не примечательным, представляя краткий нравственный абрис всего происходящего, когда достоевская «тайна человека» – всё то, что с ним происходит на этой печальной, грешной земле, не отпускает их автора. Вечно скорбная, одинокая человеческая жизнь понятна Супруновой, где неизбежное её герои принимают с молчаливым достоинством. «Живёт в небогатой квартире» «без связей и нужных людей», «живёт, никого не ужалил», её Нина, живёт с душевной осторожностью, умением пройти и не задеть, возразить и не резануть. Здесь необходима честность авторского слова, равноценная верности своим убеждениям, когда-то утверждённая великим исследователем человеческих душ Ф.М. Достоевским. «Бедные люди», «униженные и оскорблённые» ей всегда ближе, чем «богатые, которые тоже плачут». Отсюда и образы лиричных людей, задевающие за живое щемящей и трогательной мелодраматики: женщина, сидящая «на папёрти своей...» и ждущая подаяния, или та же Валентина, всё успевающая и даже пишущая – не стихи ли в своё ночное дежурство? «В старом доме», «на ступеньке грязной Пашка беломорной дымит», и жаль до сердечной боли этого непутёвого Пашку, а почему жаль – и не знаешь, и объяснить наверняка не сможешь. «И нам сочувствие даётся, / Как нам даётся благодать...» – недаром уверял нас Тютчев.

Стоит заметить, что темы войны не абстрактна для её автора, у которого есть собственное отдельное видение и войн прошлого, и войн современности. В стихах «Бронзовый солдат» встречаются разные эпохи, когда та далёкая война 41-го вдруг напомнила о себе кровавым донбасским синдромом.

*Донбасс в крови.
Опять летит снаряд,
И дополизи до дома нету силы.
Стоит за шахтой
Бронзовый солдат,
И зеленеют братские могилы.
...
Как на посту, прервав когда-то бег,
Стоит солдат
Под холмод столетий,
И за его спиной – ушедший век,
За плац-палаткой –
Снова сорок третий.*

Оказывается, война, уходящая в защитных плац-палатках, истоптан-

ных кирпичных сапогах, уже забытая, возвращается и может повториться в не менее страшном варианте и напомнить о себе иным ракурсом. «Сосед аляпанский, скажи, / Зачем твои пули летают? / Боюсь не наветов и лжи, / Мне страшно, когда убивают», – обращается поэтесса к кровным братьям-славянам. Отсюда закономерны и, знаю, будут востребованы самой жизнью стихи «Третий тост», отвергающие абсурдность и бессмысленность гибели русских солдат, выполнявших свой интернациональный долг. Когда-то все

утраты и потери должны получить своё оправдание, надо лишь быть предельно честными к себе и к памяти тех, кто не жалел себя. Тогда почувствуешь, что третий тост отмерен каждому свыше, и он: *За тех, кто под звездой упрямат
От жизни этой, как от бед,
За тех, кто в цинке запечатан
И у кого могилы нет,
Кто жуптик крик в горах оставил,
Чей стон в душе своей храню,
За всех, кто, падая, добавил
Свеченья Вечному огню!*

Ещё одна ось, одна боевая параллель в книге Светланы Супруновой – Отечественная война 1812 года. В духе талантливой пародии написано стихотворение «Давыдов и Жуковский». Перед нами – две выдающиеся личности, овевянные романтической славой. Что же касается Дениса Давыдова, то он стал своего рода неповторимым феноменом и литературной, и военной судьбы.

*В усадьбе пахло пирогами,
Жуковский мимо проезжал.
Насытись ратными делами,
Денис усы свои срезал.
Тряхнувши воловой кудрявой,
Он закурил их для красы,
И пахло дымом, пахло славой*

На блюдце розовом усы, – в такой лёгкой, искрящейся форме создаёт автор произведение, отражающее саму суть натуры бравого офицера, натуры авантюрной и вместе с тем не поверхностной, крайне разносторонней и серьёзной. Не менее будет заинтригован читатель и воспроизведённым в этом романтическом ключе замечательным образом первой русской женщины-офицера, кавалерист-девицы Надежды Андреевны Дуровой:

*Опять в руках ломались спицы,
Не получались кружева,
И о свободе пели птицы,
Манила неба синева.
Себя слезами орошала –
Конец терпению, конец! –
И пол холодный целовала,
То место, где стоял отец.
И в полукруге серых окон
Блеснули ножницы в руке,
Упал к ногам последний локон,
И конь затопал вдалеке.*

И самому автору этих волнительных строк не знать ли, пройдя дорогами войны, какой на самом деле она бывает?

*Луна взойдёт над страшным миром
И поле брани озарит,*

*И бабу сердце под мундиром
Так не по-бабы застучит!*

Вспоминается русский писатель Борис Зайцев и его революционный рассказ «Улица Святого Николая» (1921), где он с горечью высказывался: «А ты живишь в жизни новейшей, вновь беспощадной, среди богатых и бедных, даровитых и бездарных, неудачников, счастливых. Не позавидуй уроков. Будь спокоен, скромн, сдержан. Призывай любовь и кропотливость, столь безмерно изгнанных, столь поруганных <...> но не гаси себя...». Разве не об этом болит душа и у Светланы Супруновой, настояющему русскому поэту, который и говорит неустанно именно о русском человеке, о его тихой, неприметной жизни, до которой власти всегда были недосуд, а сегодня тем паче. И как награда – редкая поэтическая удача – стихи «Баба Оля»:

*Докучают в лесу комары.
Выйдешь в поле –
Надышишься вволю,
А за полем ютятся дворы.
Кто не знает у нас бабу Олю!
Снег и льви, менялись вожды.
Неохотно расскажет, бывало,
Как, дитя прижимая к груди,
От пылающих изб убежала. <...>
Нынче выюга следы замела,
До могилы не стёжка – аллея.
Никого не ругая, жила
И ушла, ни о чём не жалея.
Кто плеснул бы на мир безысли!
– И когда заубаюет от боли,
Всё глядит на меня со стены
Матерь Божья с лицом бабы Оли.*

В стихах Супруновой не найдёшь непомеренных амбиций, нравочений и морализма. Автор в поиске и сомнениях, ей неизвестно гнетущие чувства зависти, ущербоности, ведь страдание всегда рядом с радостью:

*Зачем живу? Чтоб видеть поле,
Смотреть на запад и восток?
Не зря душа грустит по воле,
Как узник, отбывая срок.*

Сохранить свет души, не изменить себе: «Я почестей и титулов боюсь – / За нами не видать уже поэта», – как верно и точно подмечено, угадано скромным сердцем.

Зримый, древний, как мир, образ птицы явственно проступает в стихах «Доев ломоть последний хлеба...», когда лирическая героиня, подобно «крапчатой птичке» с опущенным крылом – «и не упасть, и не взлететь». Потрясающая конкретика образа! Вероятно, этот уникальный момент поэзии приходит с самостоятельно обрётённым мировоззрением, как в небольшом произведении Светланы Супруновой «Огонь, вода и медные трубы». Можно на дорогах жизни и судьбы перешагнуть «через огонь», можно, не утолив жажды, перешагнуть через ручей, но, как известно, неисповедимы пути Господни: «О только бы, услышав трубы, / Не понимать, о чём поют!» – восклицает поэтесса.

Книга «Прошу тишины» убеждает в главном – русская литература жива, несмотря на многие нелестительные прогнозы, в её удивительную живучесть всегда верил Валентин Распутин. Создавая свою поэтическую «постройку на века», Светлана Супрунова не страдает величием, а желает лишь одного: «Пушкай хоть камешком в опору / Моя закаты стокра». По-чеховски просто, искренне, без зависти.

(Полная версия – на сайте)